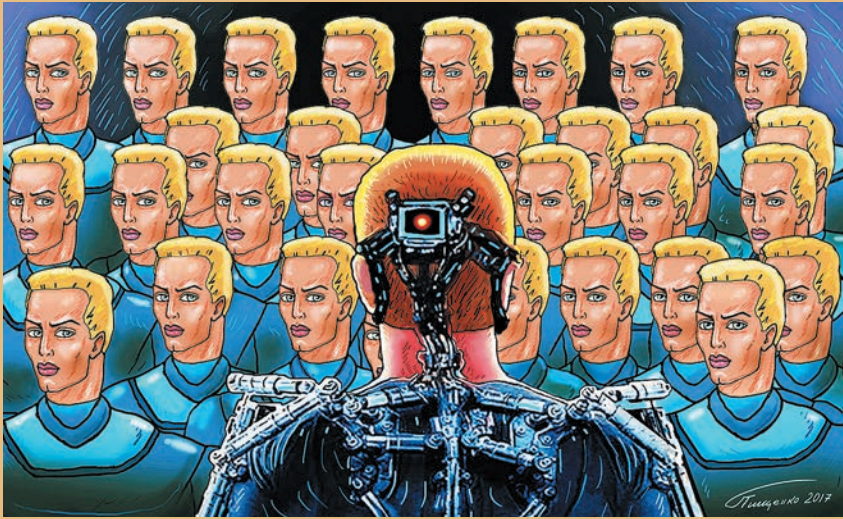

Ур

Андрей АНИСИМОВ

Он обнаружил себя стоящим посреди мрака, в котором, то там, то тут виднелись крошечные разноцветные огоньки. Именно так — обнаружил. Словно его включили. Щёлк — и он начал быть: мыслить, чувствовать, существовать. Что было до этого момента, он не помнил.

Так или иначе, первый шаг был сделан. Он вышел из небытия, и теперь следовало сделать следующий. Например, произвести какое-то действие. Или что-то сказать.

Покопавшись в своём сознании, столь же тёмном, как окружающее его пространство, он неожиданно выудил из каких-то неведомых его глубин, совершенно непонятно к чему пришедшее и совершенно незнакомое слово.

Кентавр.

Подумав несколько мгновений, что с ним делать, с этим непонятным словом, он разжал губы и произнёс: — Кентавр.

Вспыхнувший вслед за этим свет, показался ему ослепительным. Он зажмурился, а когда снова открыл глаза, то увидел небольшое круглое помещение, стены которого представляли собой сплошную управляющую панель, на которой светились яркие точки индикаторов. Такие же яркие точки и линии появились и на потолке — координационная сетка, наложенная на изображение небесных огней, скупо тлеющих в огром-

ной клубящейся массе газопылевой туманности.

«Проекционный экран» — догадался он, и сам подивился своему знанию. До этого момента он и предполагать не мог, что в мире есть управляющие панели, координационные сетки, туманности и звёзды, которые можно увидеть на проекционном экране. Голос, прозвучавший вслед за этим, казалось, шёл оттуда, из этой бездонной межзвёздной пустоты.

— Я слушаю Ур.

Ур? — спросил себя он. Ах, да! Это его имя. Как же он мог забыть... Вот, что значит провалиться столько месяцев в анабиозе. Боже мой, он позабыл всё подчистую, даже как его зовут!

Услышанное им собственное имя сразу всё изменило. В его мозгу словно открылась какая-то заслонка, и теперь он стремительно наполнялся информацией, восстанавливая то, что едва не стёрлось за время, проведённое в гибернаторе. Перед стартом его предупреждали об этом малоприятном побочном эффекте, однако тогда он просто не поверил, что пробуждающийся человек может стать, хоть и ненадолго, полным идиотом. И вот — пожалуйста.

«Неужели все пройдут через это», — подумал Ур и нахмурился. По всей видимости, остальным-то ещё спать и спать, а вот его, Ура, «Кентавр» зачем-то выдернул из этого многомесячного сна. Значит, что-то случи-

лось. Не катастрофическое, но достаточно серьёзное, чтобы понадобилась помощь человека-ремонтника.

— Какие-то неисправности? — спросил он.

— Да, — ответил бесплотный холодный голос корабля. Хотя «Кентавр» было название чисто мужское, голос у него, как и у всех других корабельных компьютеров, имел исключительно женский тембр. Говорили, это якобы успокаивает.

— Неисправность в основной системе контроля 47-го блока гибернатора, — сообщил «Кентавр». — Задействована дублирующая.

— Ясно. — Ур постоял несколько мгновений, вспоминая расположение корабельных отсеков, потом повернулся к раструбу лифтовой трубы. Нырнув в неё, он сразу почувствовал, как его охватили крепкие, но мягкие пальцы силовых полей, и понесли по светящейся глотке лифта со скоростью пули. Не прошло и пары секунд, как его ноги коснулись стального пола ремонтного отсека.

В самом центре отсека стояло, вытянувшись, несколько рядов ремонтных роботов, но сейчас от них не было никакого проку. Такую тонкую и ответственную работу, как ремонт гибернаторов, роботам поручить было нельзя. Тем более контрольные системы. Здесь необходимы были исключительно человеческие руки.

Обойдя роботов, Ур направился к хранилищу ремонтных комплектов. Всего их было около трёх десятков и все разные: каждый для определённого вида работ. Электронику и прочие тонкие устройства и механизмы, например, ремонтировали, используя комплект № 18. Как раз то, что нужно в данный момент.

Повернувшись к нему спиной, Ур, прижал затылок к специальной контактной подушке, свесил свободно руки, расставил ноги на ширину плеч и скомандовал:

— Комплект номер 18. Активация. Первое, что сработало — обхвативший голову обруч отождествителя, после чего комплект за считанные мгновенья облепил его целиком, заключив в прочный титановый экзоскелет, с навешанными на него инструментальными наборами. Теперь

у него было всё, что необходимо для ремонта: от прозаического паяльника до целого диагностического комплекса, и всё это, соединившись с ним, стало частью его тела, управляемого так же, как и его родное — непосредственно мозгом. Экипировавшись таким образом, Ур снова нырнул в раструб лифтовой трубы.

На сей раз его полёт был чуть дольше — гибернаторы располагались ближе к энергетической установке, в центральной, самой защищённой части корабля. Вынырнув из лифта, Ур очутился перед большущей крышкой с надписью, написанной буквами размером под стать самой крышке:

ГЛАВНЫЙ ГИБЕРНАЦИОННЫЙ ОТСЕК

И ниже, более мелким шрифтом:
ВХОД ТОЛЬКО ЛИЦАМ, ИМЕЮЩИМ КАТЕГОРИИ

МП и РП.

К МП, то есть медицинскому персоналу, он никакого отношения не имел, а вот РП, иначе говоря, ремонтный персонал, была как раз его категория. Другим здесь появляться было запрещено. И правильно. Анабиоз — не такая уж простая штука, и грань между смертью и жизнью в нём столь тонка, что малейшее некорректное вмешательство может привести к самым плачевным последствиям. Это место не для экскурсий. Даже не все члены экипажа имели право заходить сюда.

Набрав на запирающем механизме код доступа, Ур выждал положенные пять секунд, потом ввёл его снова. Замок подтвердил правильность набора и открыл крышку. Войдя внутрь, Ур сразу же закрыл её за собой. Всё, как предписывала инструкция.

В гибернаторе было прохладно и жутковато. Помимо пониженной температуры, тут ещё горел мёртвый голубоватый дежурный свет, что делало помещение похожим на покойницкую. Из центрального коридора блоки и находящиеся в них гиберкапсулы видно не было, но Ур прекрасно знал, что скрывается за стенами из полированного металла и пронумерованными дверьми. Почти шестьдесят тысяч капсул-саркофагов, в кото-

рых лежит, ни мёртвые и ни живые, аналогичное количество человек, погружённых в небытие сложной смесью газов и стимулирующих импульсов и поддерживаемых в этом состоянии архисложной системой управления и крионикой. Малейший сбой — и гибернатор точно станет моргом. Будущих, и несостоявшихся, колонистов тогда можно отключать от системы и пускать криоустановки на полную заморозку. Чтобы по прибытии на место, предать земле. По этой причине в гибернаторе тройное дублирование основных узлов. И строгое правило: любой дефект исправлять не откладывая.

Лифта в гибернаторе не было, благо у комплекта имелась силовая подвеска. Не то пришлось бы с полкилометра топтать пешком. Воспарив на ней над полом, Ур устремился в противоположный конец коридора: блок № 47 находился в самой глубине отсека.

За дверью под номером 47 имелись ещё две: одна вела непосредственно в гибернатор, вторая к устройствам контроля и управления. Открыв её, Ур очутился среди тысячи спокойно перемигивающихся индикаторами ячеек. Каждая ячейка — гиберкапсула, каждый индикатор — показатель состояния дел в конкретной капсуле. Все горели зелёным, и слава богу. Появись хоть один красный огонёк, пробуждением одного только Ура дело бы не закончилось.

Скользнув взглядом по ячейкам, Ур направился к стойкам системы управления. Индикаторы основной показывали неисправность. Вскрыв эту стойку, Ур снял ещё пару защитных экранов, параллельно сорвав с полдюжины пломб, обнажив, в конце концов, её начинку. То, что предстало перед ним, правильнее было бы назвать не устройством, а организмом, пускай и электронным, и то, что сейчас предстояло сделать Уру, правильнее было бы назвать операцией, а не ремонтом. Где уж тут ремонтным роботам...

Но самый первый шаг, конечно же, диагностика. Определение очага неисправности. Очага заболевания, если угодно.

Ур улыбнулся своим мыслям, задействовал аналитический блок

комплекта и принялся за проверочные тесты.

* * *

Запаяв последний контакт, Ур распрямил ноющую спину и облегчённо вздохнул. Ну, кажется, всё. Он вымотался, как галерный раб, хотя за последние несколько часов только и делал, что возился в небольшом объёме внутренней начинки стойки размером чуть побольше человеческой головы. Чтобы добраться до неисправности, ему пришлось буквально продираться сквозь электронную плоть высочайшей степени интеграции. Десять сантиметров вперёд, до дефектного участка, и столько же обратно, восстанавливая шаг за шагом потревоженные цепи. С него семь потов сошло.

Подвигав руками, чтобы восстановить подвижность затёкших конечностей, Ур провёл завершающее тестирование стойки, затем закрыл хрупкую начинку экранами и подал питание. С минуту стойка неуверенно моргала индикаторами, входя в рабочий режим и проверяя саму себя, потом бодро выбросила россыпь зелёных огоньков. Ур выждал ещё немного, для полной уверенности, потом начал собираться в обратный путь.

Мусора после его ремонта — или всё же операции? — осталось немного, и он просто собрал его в специальный контейнер: обрезки оптических волокон, временные перемычки и прочая мелочь. Восстановив пломбы, он нанёс специальным маркером отметку о ремонте на наружный экран и закрыл его, в свою очередь, лицевой панелью. Оставалось вернуть на место комплект и самому залечь в гибернатор.

Выбравшись в коридор, он тем же манером вернулся к основному входу в гибернационный отсек, потом через лифтовую трубу — в ремонтный. Сбросив с себя комплект, он подумал, что неплохо было бы принять душ и чем-нибудь перекусить. Всё тело чесалось, а в животе выли волки. В принципе, через несколько минут это его уже не будет волновать, но имеет же он право немного побаловать себя, тем более после удачного завершения такого сложного дела. Да и кто уп-

рекнёт его в этом. Компьютер? Ха! Ур «пронорнул» в головной отсек, очутившись не в жилой секции, как ожидал, а перед дверью без всяких обозначений. Несколько удивлённый этим, он открыл её, обнаружив, что за ней темно. Даже дежурного света нет. Озадаченно хмыкнув, он сделал вперёд неуверенный шаг, заметив в отсвете льющегося из коридора света, что впереди возвышается что-то похожее на воронку лифтовой шахты. Вход в жилую секцию? Странно. Почему он не помнит это место? Чёртов анабиоз. Ур перенёс через порог вторую ногу, и в тот же миг в него кто-то вцепился. Вскрикнув от неожиданности, Ур попытался сорвать с себя стиснувшие его руки, однако тот, кто его схватил, обладал мёртвой хваткой. Несколько секунд они молча боролись, затем появился ещё кто-то. Что-то мягкое и в то же время упруго-тугое уткнулось ему в лицо. «Маска», — мелькнуло у Ура в голове, и в тот же миг в нос ударил резкий неприятный запах. Трепыхающийся в бесполезных попытках освободиться, Ур сделал всего один судорожный вдох и провалился в небытие.

* * *

Ур поднял веки и сразу же опустил их, защищая глаза от бьющего в лицо яркого света. Голова кружилась, а при одном воспоминании о зловонной дряни, которую он вдохнул, к горлу подкатила тошнота. Будь у него в желудке хоть что-нибудь, вырвало бы наверняка.

— Приходит в себя, — сказал кто-то. — Вот и прекрасно. — Свет чуть побавился. Ур снова открыл глаза, увидев склонившееся над ним незнакомое лицо. Лицо растянулось в улыбку и произнесло:

— Добро пожаловать в подполье, Ур. — Вы меня знаете?

— Конечно, — ответил незнакомец. — Мы все когда-то были Урами. — Как это?

Человек усмехнулся.

— А так. Ты думаешь Ур — это имя? Ничего подобного! Это аббревиатура: «у» — «эр». Универсальный Ремонтный. Кем ты себя помнишь? — неожиданно спросил он.

— Я? — Ур замялся на мгновение. — Я — Ур, ремонтник высшей катего-

рии, член экипажа межзвёздного транспорта «Кентавр», перебрасывающего колонистов из...

— Э-э, нет, — перебил его незнакомец. — Ты — андроидный биоробот, который фабрикуется кораблём на один-единственный раз, чтобы исправить какую-нибудь заковырившую поломку. Иначе говоря, одноразовый универсальный инструмент. Который потом уничтожается. За ненадобностью.

Ур вытаращил на незнакомца глаза. Что он мелет?

— Это трудно переварить с первого раза, — кивнул незнакомец, — но так оно и есть на самом деле. Мы все, — он указал на стоящих вокруг ложа Ура людей, — все созданы УРами. И должны были быть ликвидированы после того, как выполнили свою задачу. Как остались живы, спросишь ты? Очень просто. У первого из нас произошёл сбой в программе, и вместо того, чтобы покончить с собой, он забрёл совсем в другой отсек. А потом, разобравшись, что к чему, начал спасать других. Кстати, первое, что он узнал, так это то, что на «Кентавре» вообще нет никакого экипажа. Он полностью автоматический... Ты думаешь, возвращаясь, ты шёл в губернатор или в жилой отсек? Ничего подобного. Ты шёл в КУП.

— КУП? — Ур порылся в памяти, но это название ему ничего не говорило. — Камера Утилизации и Переработки. Мы перехватили тебя в тот момент, когда ты готов был прыгнуть в приёмную воронку. Да и место, откуда ты пришёл, не губернатор для экипажа, а так называемый инкубатор. Надеюсь, ты знаешь, значение этого слова. Вот такие-то дела, приятель.

Ур снова закрыл глаза. Дичь какая-то! Его, что, разыгрывают? И кто, всё-таки, эти люди?

— Не веришь? — проговорил незнакомец. — Вполне естественно. Но твоя память ложна, а всё, что содержит твой мозг — набор необходимых знаний для ремонта конкретного узла. Посмотри на нас повнимательнее. Ну...

Ур опять поднял веки и обвёл взглядом стоящих. С минуту он разглядывал их, не понимая, чего от него хотят, и вдруг догадался. Они все

были одинаковыми! До последних мелочей. словно сошедшие с конвейера. Точно манекены.

Видимо в его глазах что-то отразилось, потому что незнакомец кивнул, удовлетворённый произведённым эффектом.

— Всё правильно. Мы — стандартная модель человекоподобного биомеханизма. А вот это ты. — С этими словами он простёр над Уром руки, держа в них небольшое зеркало.

Ур взглянул на своё отражение и невольно ахнул. Оттуда, из зазеркалья, на него смотрело точно такое же лицо.

— Убедился?

— Боже... — пролепетал Ур в отчаянии.

— Всё в порядке, — успокоил его незнакомец. — Теперь ты в безопасности. Подберём тебе имя, и считай, что воскрес из мёртвых.

— Но корабль, — заволновался Ур. — Он же поймёт, что его провели. Что я не... уничтожен, что...

— Ничего он не поймёт. Вместо тебя в воронку бросили мешок с разным барахлом. Обычная уловка.

Ур попытался подняться, но голова у него закружилась, и он вынужден был снова лечь.

— И что дальше?

— А дальше всё очень просто. Наступит день, когда корабль достигнет цели, и вот тогда мы заявим о себе. И о своих правах. Что мы не бездушные твари, которых можно вот так запросто взять и убить, когда в нас отпадает нужда. Что мы тоже люди, пускай и искусственные, и тоже хотим жить. Возможно, для этого придётся взять весь корабль под свой контроль, но это всё потом. До окончания полёта ещё не один год, так что время есть, а пока у нас другие заботы. Сначала нам надо побольше народу... Тут главное, не переусердствовать. Чтобы не возникло подозрений.

— Как! — изумился Ур. — Неужели вы тоже... выращиваете людей? Как цыплят, в этом самом инкубаторе?

— Ну, нет, — замотал головой незнакомец. — Туда мы пока не съёмся. Как делаем, говоришь? Просто. Так же, как спровоцировали и твоё появление. Время от времени ломаем, что-нибудь сложное... тм